

Пожарный для королевства

Дмитрий Ставьев

Дмитрий

Пожарный для королевства

«Автор»

2026

Дмитрий

Пожарный для королевства / Дмитрий — «Автор», 2026

Хватит ли одного пожарного на целый город, где огонь стал бизнесом? Много лет он возглавлял пожарный караул и знал одно правило: когда все бегут от огня, кто-то должен бежать к нему. Теперь он просыпается в теле двадцатилетнего сторожа колокольни в портовом Ольмаре. Здесь дома стоят вплотную, крыши покрыты щепой, а тушат пожары вёдрами и молитвой. Организованной защитой занимается только Гильдия «Золотой щит»: заплати двенадцать серебряных, и на дверь повесят латунную табличку. Нет таблички, нет воды. Странность в том, что горят в основном те, кто платить отказался. Максим собирает команду из грузчика, рыбачки и мальчишек с крыш, строит помпу из бочки и кожи и учится читать почерк огня. Против него хитрый глава Гильдии, город, который не верит чужаку, и тот, кто умеет поджигать так, чтобы никто ничего не заметил.

© Дмитрий, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Не та смерть	6
Глава вторая. Девяносто семь ступеней	7
Глава третья. Цепочка	8
Глава четвёртая. Золотой щит	9
Глава пятая. Шестой за месяц	10
Глава шестая. Старый бондарь	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Дмитрий

Пожарный для королевства

ПОЖАРНЫЙ ДЛЯ КОРОЛЕВСТВА

Попаданец-спасатель — книга первая

Дмитрий Ставьев

© 2026 Дмитрий Ставьев. Все права защищены.

Это художественное произведение. Имена, персонажи, организации, места, события и происшествия являются либо плодом авторского воображения, либо использованы вымышленно. Любое сходство с реальными людьми, живыми или умершими, а также реальными событиями случайно.

Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в любой форме и любыми электронными или механическими средствами, включая системы хранения и поиска информации, без письменного разрешения автора, за исключением случаев цитирования в критических статьях и рецензиях.

«Пожарный для королевства» — первая книга серии.

Оглавление

Глава первая. Не та смерть
Глава вторая. Девяносто семь ступеней
Глава третья. Цепочка
Глава четвёртая. Золотой щит
Глава пятая. Шестой за месяц
Глава шестая. Старый бондарь
Глава седьмая. Помпа на бумаге
Глава восьмая. Рукав
Глава девятая. Первая бригада
Глава десятая. Первое боевое крещение
Глава одиннадцатая. Чай с Вилькеном
Глава двенадцатая. Мельничная улица
Глава тринадцатая. Огарок
Глава четырнадцатая. Свидетель
Глава пятнадцатая. Колокольная азбука
Глава шестнадцатая. Тихая ночь
Глава семнадцатая. Магистрат
Глава восемнадцатая. Показательный пожар
Глава девятнадцатая. Листовки
Глава двадцатая. Тот, кто приходит туда, где горит
Глава двадцать первая. Ночь фонарей
Глава двадцать вторая. Три очага
Глава двадцать третья. Огненный шторм
Глава двадцать четвёртая. Дымарь
Глава двадцать пятая. Колокол горит
Глава двадцать шестая. Рассвет
Глава двадцать седьмая. Суд на площади
Глава двадцать восьмая. Колокол над Ольмаром

Глава первая. Не та смерть

Потолок склада пошёл вниз ровно в ту секунду, когда Максим Орлов вытолкнул стажёра в дверной проём.

— Беги!

Балка рухнула в двух метрах от него. Он успел её разглядеть: чёрная, дымящаяся, с огненной каймой по краям. Успел подумать: «Дверь была рядом». Потом всё накрыло.

Темнота длилась недолго. На смену ей пришёл запах: холодная сажа, мокрая пенька, птичий помёт. И звук. Тихий, тянущийся, будто кто-то водил мокрым пальцем по краю огромного бокала.

Максим открыл глаза. Над ним висел бронзовый колокол размером с бочку. Сквозняк трогал его бок, и тот тихо гудел. Под спиной лежали доски. Под головой был свёрнутый тулуп. В правой руке нашёлся кусок хлеба, твёрдый, как кирпич.

— Так, — сказал он. — Живой. Уже неплохо.

Голос ему не понравился. Слишком высокий, почти мальчишеский.

Он поднёс руки к лицу. Тонкие запястья. Длинные худые пальцы. Ни ожогов, ни рубцов, ни шрама на левой ладони, который он заработал в двадцать пять лет на заброшенном заводе. Чужое тело. Лет двадцати, не больше.

Он сел, и тут увидел окно. Узкая бойница в каменной стене, а за ней небо. Оранжевое.

Рассвет так не пахнет. Рассвет не тянет дымом.

Максим вскочил, подбежал к окну и вцепился в подоконник.

Внизу, в темноте, лежал город. Тесные крыши, узкие улицы, чёрная лента реки. А в излучине, шагах в четырёхстах, горел целый квартал. Огонь шёл по щепяным крышам, перепрыгивал через проулки, лизал стены. Люди бежали с ведрами, с кастрюлями, с чем попало. Каждый в свою сторону.

Деревянные дома. Крыши внахлест. Улицы в три шага шириной. Ветер с реки.

«Через час сгорит всё», — подумал Максим.

Над головой висел колокол. Рядом свисала верёвка, толстая и засаленная.

Он ухватился за неё обеими руками и дёрнул.

Глава вторая. Девяносто семь ступеней

Колокол ударил так, что в ушах заложило.

Максим дёргал верёвку и считал удары. Десять. Двадцать. С потолка сыпалась пыль, внизу, в городе, захлопали ставни. Тогда он бросил верёвку и кинулся вниз по лестнице.

Ступени кончались и начинались, как в кошмаре. Он считал их на бегу: сорок, шестьдесят, восемьдесят. На девяносто седьмой споткнулся и вылетел на площадь перед церковью.

— Тиша! Окаянный! — Навстречу семенил старик в рясе. Борода растрёпана, в руке свеча. — Ты чего трезвонишь? Спал же! Я сам тебя будил, не добудился!

В голове у Максима вспыхнули чужие обрывки. Лицо женщины с корзиной. Запах воска. Ржавый голос: «Рябов, подмети!» Он понял: Тихон Рябов, двадцать лет, ночной сторож колокольни. Сирота. Подметает, звонит, сторожит. Старик в рясе зовётся брат Аникей и кормит его кашей по субботам.

— Где горит? — спросил Максим.

— На Кожевенной, говорят. Господи помилуй!

— Где вода?

— В реке.

— Колодцы?

Аникей пожал плечами.

— Пожарная команда?

— Какая команда?

— Которая тушит.

— Бог тушит, — сказал Аникей так, будто объяснял очевидное. — Он да ведро.

Максим выругался про себя на языке, которого здесь не знали. Потом побежал к реке.

Сначала он почуял жар. Потом увидел толпу. Человек сто, и каждый тащил что-то своё. Женщина в ночной рубахе выливали горшок воды на стену, которая даже не дымилась. Мужик волок телегу с сундуками прямо в огонь. Детвора носилась с криками. Лаяла собака. Кто-то плакал в голос.

Дом посреди улицы горел уже до половины. Крыша рухнула внутрь, из окон вылетали искры. Соседний дом дымил.

Максим остановился. Сердце бухало. Это было знакомо до тошноты: страх, суета, глупые решения. Только раньше у него была каска, рация и двенадцать человек, которые слушали команды.

Он огляделся. У колодца стоял здоровенный мужик в разодранной рубахе, с плечами, как у быка, и с пустым ведром в руке.

— Эй! — рявкнул Максим. — Ты, большой!

Глава третья. Цепочка

Мужик обернулся.

— Это ты мне?

— Тебе. Как зовут?

— Тарас. А ты кто?

— Неважно. Хочешь, чтобы этот дом не перекинулся на соседний?

— Хочу.

— Тогда слушай. Видишь реку? Всех, кто с ведрами, строй в два ряда. Первый ряд идёт к реке, набирает, передаёт по цепочке. Второй возвращает пустые. Бегать с ведром нельзя. Только передавать.

— Это ещё зачем?

— Затем что бегающий человек устаёт через пять минут. Передающий стоит час.

Тарас смотрел на него секунду. Потом гаркнул так, что у Максима заложило уши:

— Эй, народ! Слушай мальчика!

Они слушали. Не сразу. Сначала возмущались, потом пихались, потом кто-то из женщин сказал: «А ведь дело», и народ потек в две линии от реки до горящего дома. Вёдра пошли по рукам. Первое. Второе. Десятое. Вода плескалась на сапоги и шипела на углях.

— Ещё нужны багры! — крикнул Максим. — Кто на реке работает?

— Рыбаки!

— Баграми, лодочными крюками, любыми! Сюда!

Из толпы вывернулся рыжий мальчишка лет двенадцати, шмыгнул носом и кивнул:

— Я мигом!

— Как зовут?

— Ванька!

— Ванька, три крюка и верёвки. Бегом.

Мальчишка исчез. Максим повернулся к соседнему дому. Крыша дымилась. Огонь уже лизал карниз.

— Хозяин! — крикнул он. — Чей дом?

Из толпы вышла женщина лет сорока с красными глазами.

— Мой. Дарья Тихомирова.

— Простите. Этот дом придётся разобрать.

— Что?!

— Крышу. Стены ближние. Если не снести, сторит вся улица.

— Мой дом!

— Ваш дом уже горит, — тихо сказал Максим. — Остальные ещё нет.

Она замерла. Потом закрыла лицо руками и отвернулась. Ничего не сказала. Тарас положил ей на плечо тяжёлую ладонь, постоял и вернулся.

Крючья привезли через пять минут. Максим раздал их и показал, как зацеплять стропила. Люди тянули верёвки, дерево трещало, крыша, наконец, поползла вниз с оглушительным грохотом.

Между горящим домом и остальной улицей образовалась чёрная пустая полоса.

Огонь дошёл до неё. Остановился. Помялся. И затух, не найдя, за что схватиться.

Глава четвёртая. Золотой щит

Они приехали, когда всё уже было почти кончено.

Максим услышал сначала колёса, потом топот, потом окрик «Дорогу!». На улицу влетели три телеги с бочками. Впереди шёл человек в синем камзоле с золотым гербом на груди: щит, сжатый кулаком. За ним рысцой бежали десятка полтора парней с вёдрами и крюками.

— Гильдия! — шепнул кто-то в толпе. — «Золотой щит»!

Гильдейцы остановились у дальнего дома. Там на дверной раме висела латунная табличка с гербом. Они выстроились и принялись заливать стены водой.

Максим смотрел. У табличных домов вода лилась щедро, из бочек, и ни одна капля не попала на соседние.

— Эй! — крикнул он. — Там дальше горит!

Предводитель обернулся. Здоровый, с широким лицом и холодными глазами. Сказал спокойно:

— Не наш участок.

— Как не ваш? Ветер туда тянет!

— Участок, — повторил тот. — Договор. Табличка. Нет таблички, нет воды. Таков устав.

— Там люди!

— Там чужие люди, — ответил он.

Тарас шагнул вперёд, но Максим удержал его за руку. Не сейчас. Он смотрел на лицо гильдейца и запоминал. Шрам над бровью. Тяжёлый подбородок. Брон. Так его называл кто-то в толпе: «Брон Стальной, правая рука Вилькена».

А ещё Максим отметил то, что остальные пропустили. Гильдия приехала через двенадцать минут после первого удара колокола. Через двенадцать. Из конторы в центре города, до которой по такой дороге не добежишь и за двадцать. Они уже были где-то рядом.

К рассвету огонь сдох. Четыре дома сгорели дотла. Пятый стоял без крыши, обугленный, но целый. Улица пахла мокрой золой и горем.

Максим сидел на бревне у колодца. Глаза резало, горло саднило, руки дрожали. Он смотрел на пепелище и пересчитывал то, что мог бы сделать иначе. Быстрее. Лучше. С помпой. С рукавами. С командой.

— Выпей.

Рядом остановилась девушка с корзиной. Лет двадцати четырёх, светлая коса, платок на плечах, пальцы в травяных пятнах. Она протягивала кружку с чем-то тёплым.

— Что это?

— Липа с мёдом. Для горла.

Он выпил. Горло отпустило. Девушка села рядом и вынула из корзины полотенце, смочила и начала вытирать ему лицо.

— Лина, — сказала она. — Травница. Я тут с вечера, обожжённых перевязываю.

— Тихон.

— Знаю. Ты звонарь. Только сегодня ты не звонарь, а командир. Откуда?

— Не знаю, — сказал он честно. — Само вышло.

Лина посмотрела на пепелище.

— Это шестой пожар за месяц, — сказала она тихо.

Глава пятая. Шестой за месяц

Лина вела его по пепелищу и говорила тихо, чтобы не слышали те, кто разбирал головни.
— Первый был на Рыбной, в начале месяца. Потом Кожевенный переулок. Потом две лавки у мельницы. Потом Горшечный тупик. Теперь вот эти.

— Все ночью?

— Все.

— И все без табличек?

Лина остановилась. Посмотрела на него внимательно.

— Откуда ты знаешь?

— Не знаю. Спрашиваю.

— Без табличек. У каждого за неделю до пожара побывал человек от Гильдии. Предлагал «защиту». Двенадцать серебряных в год.

— Сколько это?

— Мой заработок за три месяца.

Максим присел на корточки у обугленного фундамента. Всё сгорело дотла, но он смотрел не на то, что осталось, а на то, как оно осталось. Опыт подсказывал: огонь оставляет рисунок. Стена, у которой начался пожар, обгорает глубже. Чёрные клинья расходятся вверх от точки возгорания, как перевёрнутая буква V.

Он обошёл пепелище. Печь стояла в передней части дома, и вокруг неё была чистая зола, почти нетронутая. А самый сильный ожог тянулся вдоль задней стены, у сарая, где хозяйева держали кур.

— Хозяин где? — спросил он.

— Вон. — Лина кивнула. Седой мужик в разодранном тулупе сидел на бочке и смотрел в пустоту.

Максим подошёл.

— Простите. Печь вечером топили?

— Топили. Жена хлеб ставила.

— А потом?

— Потушили. Я сам заливал. Водой. До угольков.

— Куры в сарае ночью были?

— Были.

— Они кричали?

Мужик поднял голову.

— Нет, — сказал он медленно. — Не кричали. Мы проснулись от дыма. Куры... Куры не кричали.

«Потому что их, скорее всего, уже не было в сарае, — подумал Максим. — Или потому что огонь начался снаружи».

Он поблагодарил и отошёл. Лина шла рядом, молча.

— Что ты думаешь? — спросила она наконец.

— Что дом сам не загорелся.

— Это же... — Она оборвала себя. — Скажи вслух.

— Не сейчас, — сказал он. — Сначала нужны доказательства. Иначе мне просто голову оторвут.

Глава шестая. Старый бондарь

Бондарная мастерская стояла на краю Рыбной слободы, там, где улица переходила в тропу к воде. Из трубы валил густой дым. Из дверей пахло смолой и древесной стружкой.

— Захар, — сказала Лина, постучав. — К тебе гость.

— Я не принимаю! — рявкнули изнутри.

Дверь распахнулась. На пороге стоял мужик лет пятидесяти пяти, с ладонями как сковородки, с бровями, которые торчали вперёд, как козырьки. В фартуке из дублёной кожи и с долотом в кулаке.

— Чего надо? — спросил он.

— Мне нужна помпа, — сказал Максим.

— Что?

— Помпа. Насос. Чтобы воду гнать.

— Я бочки делаю, — буркнул Захар. — Не трубы. Бочки.

— У вас дымит сушильня, — заметил Максим.

— Дымит, — согласился Захар неохотно. — Третий раз за зиму загорается. Стружка, зараза. Искры от печи.

Максим оглядел пристройку. Печь стояла в пяти шагах от груды сухих щепок. Труба выходила прямо под навес.

— Покажите.

Через полчаса он уже складывал из кирпичей и глины стену между печью и стружкой. Захар стоял рядом, скрестив руки, и ворчал, но тихо. Максим выложил зольник под печью, чтобы угли не летели, и накрыл трубу железной сеткой.

— Искры будут оседать здесь, — объяснил он. — Не вылетят.

— И всё? — Захар недоверчиво потрогал сетку.

— Попробуйте протопить.

Захар разжёг печь. Дым пошёл ровно, чисто, без искр. Он простоял у трубы минут десять, не отрываясь, пока Лина не кашлянула.

— Ладно, — сказал он наконец. — Давай свою помпу.

— Вы понимаете, о чём речь?

— Не понимаю ни капли. Но кто мою сушильню спас, того выслушать не грех.

Максим достал уголь и на доске у стены начал рисовать. Цилиндр. Поршень. Два клапана. Рычаг.

Захар смотрел на рисунок молча, хмурился и жевал ус.

— Поршень чем уплотнять? — спросил он вдруг.

— Кожей. Пропитанной салом.

— Умно. — Захар хмыкнул. — Двенадцать медных заклёпок, шесть дубовых клёпок, и кузнец понадобится. Сделаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.